

А. М. Прилуцкий

Сценарии церковной власти в неканонических православных юрисдикциях

УДК 271.2-86:348
DOI 10.47132/1814-5574_2024_4_109
EDN CAELBL

Аннотация: В статье анализируются особенности организации церковной власти, характерные для неканонических православных юрисдикций. Реализуемые сценарии церковной власти, в той степени, в которой они не затрагивают вопросы, регулируемые канонами, достаточно вариативны, часто они связаны с конкретными юрисдикциями. Как правило, реализуемые неканоническими обществами сценарии церковной власти определяются социальными и культурными условиями, в которых они существуют, прагматическими и конъюнктурными задачами. В статье рассмотрены следующие сценарии церковной власти: подражание церковной традиции канонического православия, апелляция к каноническому строю дореволюционной, т. н. синодальной Церкви, референции к эсхатологическим ожиданиям. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что реализуемые сценарии церковной власти в маргинальных православных юрисдикциях выполняют ряд прагматических функций, как в области апологетики, так и, в некоторых весьма ограниченных ситуациях, — рекламы соответствующей юрисдикции. Выбор конкретных стратегий задается как индивидуальными предпочтениями лидеров, так и теми условиями, в которых действует та или иная «альтернативная церковь».

Ключевые слова: канонические отношения, маргинальные юрисдикции, сценарии власти, церковные расколы, эсхатология.

Об авторе: **Александр Михайлович Прилуцкий**

Доктор философских наук, заведующий кафедрой истории религий и теологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

E-mail: alpril@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7013-9935>

Для цитирования: Прилуцкий А. М. Сценарии церковной власти в неканонических православных юрисдикциях // Христианское чтение. 2024. № 4. С. 109–116.

Статья поступила в редакцию 29.09.2024; одобрена после рецензирования 12.10.2024; принята к публикации 25.10.2024.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 4

2024

Alexander M. Prilutskiy

Scenarios of Church Authority in Non-Canonical Orthodox Jurisdictions

UDK 271.2-86:348

DOI 10.47132/1814-5574_2024_4_109

EDN CAELBL

Abstract: The article analyzes peculiarities of the church authority structure, which are characteristic of non-canonical Orthodox jurisdictions. The church authority scenarios implemented – to the extent that they do not affect issues regulated by the canons – are quite variable, and are often associated with specific jurisdictions. As a rule, scenarios of ecclesiastic authority implemented by non-canonical societies are determined by the social and cultural conditions in which they exist, by pragmatic and opportunistic tasks. The article considers the following scenarios of ecclesiastic authority: imitation of the church tradition of canonical Orthodoxy, an appeal to the canonical order of the pre-revolutionary, so-called “Synodal Church”, references to eschatological expectations. The study makes it possible to conclude that the scenarios of ecclesiastical authority implemented in marginal-ized Orthodox jurisdictions perform a number of pragmatic functions both in the field of apologetics and, in some very limited situations, that of advertising of the jurisdiction concerned. The choice of specific strategies is determined by both individual preferences of the leaders and conditions in which this or that “alternative church” operates.

Keywords: canonical relations, marginal jurisdictions, authority scenarios, church schisms, eschatology.

About the author: **Alexander Mikhailovich Prilutskiy**

Doctor of Philosophical Sciences, Head of the Department of History of Religions and Theology at the Herzen State Pedagogical University of Russia.

E-mail: alpril@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7013-9935>

For citation: Prilutskiy A. M. Scenarios of Church Authority in Non-Canonical Orthodox Jurisdictions. *Khristianskoye Chteniye*, 2024, no. 4, pp. 109–116.

The article was submitted 29.09.2024; approved after reviewing 12.10.2024; accepted for publication 25.10.2024.

Наряду с каноническими православными Церквями на статус православных церквей претендуют различные религиозные сообщества, как правило, малочисленные и не находящиеся в общении друг с другом, применительно к которым в современной науке часто используется термин «альтернативное православие» или «церкви альтернативного православия». Отличительными чертами «альтернативного православия», помимо малочисленности паствы, является отсутствие церковного общения с каноническими Православными Церквями и часто, как выше было сказано, — друг с другом, оппозиционное и откровенно враждебное отношение к историческим православным юрисдикциям, совмещение в своей практике фундаменталистских и модернистских тенденций (см. подр.: [Головушкин, 2015]), «изобретение» различных ересей (сергианство, всеересь экуменизма, киприанизм, царевическая ересь и т.д.) для демонизации оппонентов. Одной из отличительных черт «альтернативного православия» является высокий потенциал конфликтогенности, неспособность к диалогу (см. подр.: [Бочков, 2023]), формирование своеобразной «теологии осажденной крепости» (см. подр.: [Прилуцкий, 2019]), постоянные расколы: «дробление и распад на крайне малочисленные группы, состоящие из самопровозглашенных „митрополитов“ с общинами, состоящими из 5–10 верующих, — довольно распространенное и закономерное явление в мире церковных разделений. Как правило, закоснев в своем изоляционизме, они либо окончательно распадаются, либо переходят в новые неканонические группы и образования, зачастую отдаляясь не только от канонического порядка, но и от православной догматики» [Бочков, 2022].

Классификацию церквей альтернативного православия предложил А. Н. Лещинский [Лещинский, 2011], в настоящее время разработанная им классификация является наиболее распространенной. Однако, к сожалению, в данную классификацию включено старообрядчество — явление и исторически, и концептуально, и в плане формируемого юрисдикционного дискурса далекое от иных альтернативных юрисдикций. И это в связи с явлением интертекстуальности побудило нас отказаться от использования термина «альтернативное православие» в данном исследовании, заменить его термином «маргинальные православные юрисдикции».

Представляется, что предлагаемый нами термин «маргинальные православные юрисдикции» более точно ограничивает предмет исследования, исключая из его объема старообрядческую традицию. Во-вторых, он более точно определяет канонический статус соответствующих юрисдикций. И в-третьих, он хорошо передает господствующее в этих юрисдикциях отношение к ценностям интеллектуальной и материальной культуры, которое в большинстве случаев является негативным. Наличие среди неканонических православных сообществ отдельных крайне малочисленных общин, претендующих на «интеллектуальную элитарность», не влияет на ситуацию в целом по причине исключительной малочисленности подобных общин: последние зачастую ограничены лидером и несколькими его последователями.

Реализуемые сценарии церковной власти, в той степени, в которой они не затрагивают вопросы, регулируемые канонами, достаточно вариативны, часто они связаны с конкретными юрисдикциями. В значительной степени они определяются социальными условиями, в которых существует юрисдикция, сложившимися юрисдикционными традициями. Анализ реализуемых в маргинальных православных юрисдикциях сценариев церковной власти позволил нам предложить их следующую классификацию.

1. Подражание церковной традиции канонического православия. Данные сценарии реализуются в маргинальных юрисдикциях, в клире которых достаточен процент выходцев из Русской Православной Церкви Московского Патриархата, лишенных сана или запрещенных в служении, часто — по компрометирующим основаниям. Данные сценарии основаны на воспроизведении того, что можно обозначить как «стилизация церковно-правовых норм», существующих в современной Русской Православной Церкви Московского Патриархата. При этом под стилистикой церковно-правовых норм мы понимаем широкий спектр проявлений церковно-канонических вопросов,

имеющих как собственно каноническое, так и эстетическое, этическое и культурологическое в широком смысле содержание. Это относится и к используемому каноническому вокабуляру, прецедентам, иерархии авторитетов и т.д. В наиболее явном виде подобные сценарии присутствуют в т.н. суздальском расколе — Российской православной автономной церкви, созданной А. П. Русанцовым (Валентином Русанцовым), бывшим архимандритом Московского Патриархата Русской Православной Церкви, перешедшим в апреле 1990 г. в юрисдикцию Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ), которая на тот момент не имела канонического общения с Московской Патриархией и повсеместно воспринималась как Церковь эмиграции, порожденной революцией 1917 г. и Гражданской войной. История канонических миграций Валентина (Русанцова) следующая: он «был запрещен в служении владимирским архиереем в 1990 г., однако продолжил священнослужение и был принят Зарубежной Церковью, в которой был „рукоположен по епископа“, однако в 1995 г. и там был запрещен в служении, после чего объявил себя главой „Российской Православной Свободной Церкви“» [Ведяев, 2023, 203], которая позднее была переименована в Российскую православную автономную церковь, известную под аббревиатурой РПАЦ. Вначале данная структура состояла всего из нескольких общин (см. подр.: [Лещинский, 2011]), активное ее развитие приходится на 90-е гг. XX в., после чего начинается не менее активный спад, затрагивающий в том числе и представленность РПАЦ в информационном пространстве.

Отметим существенную деталь: в самой тогдашней РПЦЗ реализовывались сценарии канонической власти, основанные на модели, существовавшей в дореволюционной синодальной Церкви, поскольку устройство последней, ее канонический быт, включая стилистику церковной власти, практически для всех эмигрировавших в послереволюционную эпоху иерархов были единственно знакомыми. Так, критиковавший дореволюционную синодальную Церковь за канонические нарушения (упразднение патриаршества, разрешение браков с инославными) (Великий секретарь) митр. Антоний (Храповицкий) в своей практической деятельности ориентировался именно на ее опыт. Церковный историк прот. Георгий Митрофанов отмечает, что «консерватизм РПЦЗ ориентирует ее на сохранение форм Русской Церкви синодального периода, а не Московской Руси» (Отец Георгий Митрофанов).

Фактически незнакомый и не успевший познакомиться со стилистикой церковной власти в РПЦЗ, Валентин (Русанцов) в итоге был вынужден копировать сценарии церковной власти, принятые в хорошо знакомой ему Русской Православной Церкви. Референция к ее традициям на первых порах приносила определенные дивиденды и после вскоре последовавшего разрыва Валентина (Русанцова) и с РПЦЗ и уходом его в «автономное плавание» (создание нынешней юрисдикции РПАЦ), поскольку такая форма церковной жизни была привычна и приемлема для большинства прихожан, чей опыт воцерковления был связан именно с приходами Московского Патриархата. Отсюда происходит тяга РПАЦ к торжественным архиерейским визитациям, акцентирование архиерейской власти, заимствованная система церковных иерархических наград, наконец — почти полное совпадение церковного социолекта. Тогда, в начале существования, все это воспринималось прихожанами РПАЦ как знакомый семиотический код церковности, восприятие которого позволяло совершить юрисдикционную конверсию относительно комфортно.

В целом нужно отметить, что данные сценарные стратегии работали относительно успешно на первоначальных этапах существования РПАЦ, когда данная юрисдикция располагала рядом исторических церковных зданий и сколько-то многочисленной паствой. В традиционных храмовых интерьерах исторических церковных зданий претендующие на статус канонических мероприятия РПАЦ, включая архиерейские службы, награждение клириков иерархическими наградами и т.п., мало отличались по стилистике от подобных мероприятий в епархиях канонической Церкви и тогда еще не выглядели карикатурно.

Так, священник нижегородской епархии Русской Православной Церкви Московского Патриархата, перешедший в РПАЦ вместе с частью своего прихода и историческим

храмовым зданием в 90-е гг. XX в., объявил о том, что он перешел из подчинения одному архиерею в подчинение другому, и такое объяснение устроило большинство прихожан, которые не заметили значительных изменений в привычной им церковной повседневности. В 90-е гг. XX в. это могло еще работать. Однако на следующих этапах существования РПАЦ, которые сопровождались существенным сокращением паствы (Откровения митрополита Евлогия), воспроизводиться данные сценарии могли только с измененной семантикой. Начали возникать ситуации, когда реализация подобных сценариев вызывает комический эффект, который усиливается благодаря малочисленности юрисдикции: типичной ситуацией является проведение торжественных церковно-канонических мероприятий — «синодов» и «соборов» в пустых или полупустых помещениях, что порождает иронические комментарии в сети Интернет. После того как РПАЦ лишилась исторических храмовых зданий и в известной степени ограничила свою деятельность пространством «синодального дома» в Суздале (т.е. обычным двухэтажным домом, украшенным застекленными балконами и спутниковыми тарелками), прежние модели канонической власти перестали работать, утратив семиотическое содержание. Так, например, произошло явное обесценивание иерархических наград, которые не имеют никакого значения вне крайне малочисленных общин этой юрисдикции и часто самими награждаемыми клириками не воспринимаются как «настоящие».

2. Различные осколки РПЦЗ — отдельные крайне немногочисленные юрисдикции, основанные епископами РПЦЗ, не признавшими Акт о каноническом общении 2007 г., преимущественно реализуют сценарии церковной власти, традиционные для РПЦЗ XX в. с неизбежными поправками на маргинальный статус современных «осколков». Характерными особенностями является апелляция к каноническому строю дореволюционной, т.н. синодальной Церкви при существенном ограничении власти первоиерарха, который часто в своих решениях опирается преимущественно на личный духовный авторитет, «синодальная бюрократия», достаточная независимость приходов и епархий от центральных церковно-канонических институтов. Отчасти подобный порядок обусловлен фактической финансовой и юридической самостоятельностью приходов «осколков» РПЦЗ, существование которых мало зависит от центральных церковно-канонических институтов в условиях достаточно серьезной конкуренции неканонических юрисдикций различных старостильных синодов и даже канонических юрисдикций (последнее более характерно для США). Поэтому возможный конфликт всегда может быть решен через смену одной юрисдикции на другую, готовую предоставить более комфортные условия. В связи с этим в различных «осколках РПЦЗ» наблюдается значительная межюрисдикционная миграция клириков и общин: зачастую епископы более заинтересованы в приходах, нежели сами приходы и приходские клирики, ценят вхождение в ту или иную юрисдикцию и относятся к последнему как к значимому фактору религиозной жизни. В этих условиях церковная власть фактически имеет возможность только награждать клириков «наградами», которые превратились в семиотические фикции, тогда как каноническое наказание, будь то запрет в служении или лишение сана, как правило, автоматически приводит к заявлению о непризнании незаконного и неканоничного наказания, встречное обвинение архиерея во всех возможных грехах, заявление о разрыве с ним общения и переход в другую аналогичную конкурирующую юрисдикцию. Динамика межюрисдикционных отношений в этом поле может быть рассмотрена в соответствии с моделью конкурентных дискурсов.

3. Референции к эсхатологическим ожиданиям. Среди маргинальных православных юрисдикций в последнее время получили некоторую популярность эсхатологические мифотеологемы, контаминирующие эсхатологические и радикально-монархические ожидания части верующих. В условиях роста общественного напряжения, обусловленного отложенным влиянием недавних противоэпидемических мероприятий, обострением геополитических процессов и другими подобными факторами, наблюдается усиление эсхатологической ажитации, в условиях которой «беспорядочный карнавал

демагогов, мошенников... складывается в определенную творческую силу» [Дэвис, 2007]. Таким образом возникают различные парацерковные структуры типа «Царской церкви» т.н. патриарха-царя Зосимы, сомнительной личности с криминальным прошлым. Отличительной чертой подобных групп является их выражено маргинальный характер, хотя, казалось бы, на фоне бесконечных канонических скандалов «осколков РПЦЗ» трудно кого-либо удивить канонической либо вообще экклезиальной маргинальностью.

Известно, что определенная часть православных верующих склонна к некритическому восприятию мифотеологием конспирологического эсхатологического монархизма, формирующих своеобразное герменевтическое пространство, в котором регулярно воспроизводятся и актуализируются различные пугающие апокрифические пророчества о грядущем православном царе, «которого будет бояться сам антихрист» [О грядущем], происходит последовательная делегитимация и демонизация современного политического строя Российской Федерации и органов власти, а монархический принцип общественного устройства наделяется сотериологическим и эсхатологическим содержанием. Претензии «патриарха-царя Зосимы» на соединение в своем лице высшей церковной («патриарх») и государственной («царь»)¹ власти на фоне этого обретают черты продуманной стратегии создания парацерковной структуры из числа наиболее одиозных представителей православных субкультур маргинального типа, отличающихся радикальным монархизмом, эсхатологическими фобиями, конспирологическим недоверием к иерархам канонической Православной Церкви и пониженными способностями к критическому мышлению.

Претензии на совершенно исключительный статус позволяют «патриарху-царю Зосиме» полностью игнорировать православную канонику, отвергать неудобные ему канонические нормы и прецеденты как не относящиеся к эсхатологическому царю последнего времени, фигуре, наделенной уникальным статусом эсхатологического актора — борца с антихристом. Фактически имеет место эксплуатация популярных в парацерковной среде представлений о том, что в эпоху «господства ереси» и эсхатологических событий действуют не канонические правила, но усмотрения теократических лидеров, которым часто усваивается статус «старцев». Это же относится и к области догматики: так, например, «Зосима» является проповедником странного учения о том, что если Божественную литургию служит незаконно (с его точки зрения) рукоположенный священник, то последний реально пронзает тело Христа копьем и становится «богоубийцей», — похожие мифологемы, объяснявшие цели профанации гостии, якобы совершаемой иудеями, использовались для трансляции мифологии кровавого навета.

Отношения между «патриархом-царем» и его паствой строятся на основании особой «присяги», которую подписывают адепты. В тексте этой «присяги», написанной с грамматическими ошибками, присягающие обязуются «Его Императорского Величества государства и земель его врагов, жидов, колдунов, магов, чародеев, телом и кровью, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах и штурмах, и в прочих воинских случаях храброе и сильное чинить сопротивление». Существуют видеозаписи «Зосимы», на которых он запечатлен в какой-то темного цвета одежде с «генеральскими погонами» (Угрозы расправой). Идет явное конструирование визуального образа, который должен подчеркивать уникальность и беспрецедентность статуса «Зосимы».

В интернете распространены видеозаписи, из содержания которых следует, что отказавшийся от современного российского паспорта «патриарх-царь Зосима» является обладателем «паспорта гражданина СССР», оформленного на стилизованном бланке некоей сектантской структурой, претендующей на право действовать от имени не существующего уже Советского Союза и на основании советских законов

¹ Когда настоящая статья была уже написана, «патриарх-царь Зосима» объявил себя, в дополнение к прочему, «пророком Илией», заявив тем самым претензии на статус «теократического правителя».

(см. подр.: [Лебедев, 2022]). Отвержение современной российской государственности «царем» обосновывается тем, что «современная российская конституция убила царя» — очевидно, Николая Второго (sic!); каким образом, где, когда и зачем это было сделано — не уточняется.

Гротесковость ситуации — «царь», претендующий на советское гражданство и при этом обвиняющий современную российскую государственность в расстреле царской семьи, — ускользает от самого «монарха» и его последователей, что говорит об их способности воспринимать и оценивать информацию. Следует сделать еще одно показательное замечание: если типичные «свидетели СССР» — обладатели свеженапечатанных советских паспортов, ностальгически идеализируют советское прошлое, прежде всего правление И. В. Сталина, то «царь-патриарх Зосима» совмещает претензии на советское гражданство с демонизацией И. В. Сталина, которого он объявил «красным зверем» (Святой ли Сталин). В других видеозаписях «Зосима» прямо объявляет «красную власть» попущенной Богом «для ужаливания и истребления», «богоборческой», серп и молот — «языческой атрибутикой», популярное в период СССР обращение «товарищ» — одной из степеней масонского посвящения, и т. п. Использование подобной лексики современным приверженцем «советского гражданства» само по себе показательно. Возможно, мы наблюдаем процессы ресемантизации советского паспорта, который в данном контексте утрачивает референции к советскому гражданству, но воспринимается преимущественно как символическая альтернатива паспорту российскому, вне каких-либо иных политических и социальных значений и коннотаций, но и это объяснение не является достаточным.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что реализуемые сценарии церковной власти в маргинальных православных юрисдикциях выполняют ряд прагматических функций, как в области апологетики, так и, в некоторых весьма ограниченных ситуациях, — рекламы соответствующей юрисдикции. Выбор конкретных стратегий задается как индивидуальными предпочтениями лидеров, так и теми условиями, в которых действует та или иная «альтернативная церковь». При этом сам дискурс власти в большей степени адресован адептам, нежели находящемуся вне данных юрисдикционных границ «миру», естественным образом он учитывает религиозно-эстетические, шире — культурные запросы и уровень маргинальности немногочисленной паствы, ее представления о том, как именно должен выглядеть, действовать и говорить «истинный епископ».

Источники и литература

Источники

1. Великий секретарь — Великий секретарь и кризис РПЦЗ. URL: <http://хорос.narod.ru/Article/Velikiisekretar.htm> (дата обращения: 27.10.2024).
2. О грядущем — О грядущем православном Русском Царе. О последнем православном царстве в преддверии антихриста. URL: <http://www.pokaianie.ru/article/11498/read/12989> (дата обращения: 11.09.2024).
3. Отец Георгий Митрофанов — Отец Георгий Митрофанов: «Консерватизм РПЦЗ на фоне нашего фундаментализма кажется весьма либеральным». URL: <http://www.nsad.ru/articles/otec-georgij-mitrofanov-konservativizm-rpcz-na-fone-nashego-fundamentalizma-kazhetsya-vesma-liberalnym> (дата обращения: 27.10.2024).
4. Откровения митрополита Евлогия — Откровения митрополита Евлогия. URL: <https://zebra-tv.ru/novosti/jizn/otkroveniya-mitropolita-evlogiya/> (дата обращения: 27.10.2024).
5. Святой ли Сталин — Святой ли Сталин? Вл. Зосима. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=sfDgrzgQBtI> (дата обращения: 27.10.2024).

6. Угрозы расправой — Угрозы расправой лжецаря Зосимы Власова представителям светской власти. URL: <https://livevideo.kz/video-new/u8XE7JggsY#videos> (дата обращения: 27.10.2024).

Литература

7. Бочков (2023) — *Бочков П. В.* «Осколки» РПЦЗ: история происхождения неканонических групп Филарета (Семовских) и Филарета (Рожнова) (Часть 2) // Нива Господня. Вестник Пензенской Духовной Семинарии. 2023. № 2 (28). С. 89–102. EDN UUSOYB.

8. Бочков (2022) — *Бочков П. В.* К 15-летию подписания Акта о каноническом общении между Русской Православной Церковью и Русской Православной Церковью Заграницей // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2022. № 3 (24). С. 103–119.

9. Ведяев (2023) — *Ведяев А. В.* Осуждение Архиерейскими Соборами Русской Православной Церкви уклонившихся в раскол священников // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 199–213.

10. Головушкин (2015) — *Головушкин Д. А.* Религиозный фундаментализм / религиозный модернизм: концептуальные противники или амбивалентные феномены? // Вестник ПСТГУ. Сер. 1: Богословие. Философия. 2015. № 1 (57). С. 87–97.

11. Дэвис (2007) — *Дэвис Э.* Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. Екатеринбург: Ультра.Культура, 2007. 478 с.

12. Лебедев (2022) — *Лебедев В. Ю., Прилуцкий А. М.* Мифологема о грядущем православном царе: значение и прагматика // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Философия. 2022. № 3 (61). С. 81–91.

13. Лещинский (2011) — *Лещинский А. Н.* Конфликтогенность расколов в православии // Религиоведение. 2011. № 2. С. 130–136.

14. Прилуцкий (2019) — *Прилуцкий А. М.* Семиотика модальностей современного конспирологического мифа в дискурсах маргинального православия // Вестник ПСТГУ. Сер. 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2019. № 82. С. 94–107.